

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

УДК 821.16.1

Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина («Мысленный волк» и «Авиатор»)

Д.В. Кротова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена сравнительному анализу представлений о революции, выраженных в романах «Мысленный волк» А. Варламова (2014 г.) и «Авиатор» Е. Водолазкина (2017 г.). Принципиально различным оказывается подход двух писателей к интерпретации проблемы революции: если Варламов выражает в «Мысленном волке» собственное ее понимание, то Водолазкин в «Авиаторе» стремится выразить лишь возможное видение революции одним из современников тех далеких событий. Вместе с тем выявляются как сходство, так и кардинальные расхождения в трактовке темы революции в названных романах. Общность заключается в том, что восприятие революции у обоих авторов трагично: она интерпретируется как перелом, который повлек за собой глубоко разрушительные последствия. В оценке же самой сущности революции для героя «Авиатора» определяющим оказывается нравственный вектор, в то время как в «Мысленном волке», напротив, представление о революции связывается с внеэтическим, стихийным началом. При анализе романа «Мысленный волк» раскрываются как параллели, так и принципиальные расхождения с концепциями революции, сформированными в литературе и публицистике первых десятилетий XX в. (А. Блок, Б. Пильняк и др.). В статье доказывается, что и А. Варламов, и Е. Водолазкин, размышляя о событиях 1917 г., ставят своей целью осмысление неких ключевых закономерностей национальной истории («Мысленный волк»), а также принципов взаимоотношения личности и истории вообще («Авиатор»). Анализируя проблемно-тематический комплекс и художественную специфику названных романов, автор статьи обосновывает утверждение о неомодернистском векторе мышления обоих писателей.

Ключевые слова: современная литература, русская литература, революция, А. Варламов, Е. Водолазкин, «Мысленный волк», «Авиатор»

Размышления о революции — одна из главных проблем русской литературы XX в., но и в современной прозе вопрос о революции остается значимым и обсуждаемым. Ему посвящен целый ряд произведений начала XXI в., в том числе романы «Мысленный волк» А. Варламова (2014 г.) и «Авиатор» Е. Водолазкина (2017 г.). В «Мысленном волке» эта проблематика находится в центре повествования: время действия романа — 1914—1918 гг., т.е. в произведении охвачены предреволюционные годы, год русской революции и начало послереволюционного периода. Варламов стремится проанализировать процесс вызревания революционных перемен в обществе, осмыслить предпосылки этих перемен и проследить характер их осуществления. В «Авиаторе» проблема осмысления рево-

люции хотя и не является центральной, но играет существенную роль. Главный герой, Иннокентий Платонов, ровесник XX в., он хорошо помнит предреволюционные и революционные годы, это «его» время, как он сам утверждает. Если нередко «в современной исторической прозе все более удлиняющаяся временная дистанция создает поле авторской венаходимости» [1. С. 409], то в «Мысленном волке» и «Авиаторе» революционная эпоха отражена именно в восприятии персонажей-современников, взгляд которых оказывается во многом близок авторскому.

В романах Варламова и Водолазкина мы отмечаем как сходство в интерпретации проблемы революции, так и кардинальные различия. Общность заключается в том, что восприятие революции у обоих авторов трагично: революция трактуется как перелом, который повлек за собой глубоко разрушительные последствия. Варламов в «Мысленном волке» размышляет о том, что революция несла в себе огромный энергетический заряд, и эта энергия оказалась направлена в деструктивное русло. Водолазкин в «Авиаторе» осмысливает трагедии русской истории XX в. (прежде всего, трагедию лагерей) как прямое следствие революции.

Вместе с тем герои романов «Мысленный волк» и «Авиатор» кардинально различным образом отвечают на вопрос о том, что такое революция как историческое явление и какова ее внутренняя сущность. На этот вопрос стремились найти ответ еще современники событий 1917 г.: особенно влиятельной стала блоковская концепция революции как грандиозной метаморфозы; весьма значимы те представления, которые выражены в творчестве Б. Пильняка — революция как стихия, обладающая глубоко национальной природой, поднимающаяся из недр национальной жизни. С осмыслением революции неразрывно связано творчество М. Шолохова, Б. Пастернака, М. Булгакова, М. Горького, представителей социалистического реализма. В современной литературе продолжают размышления о том, что есть революция — не только как историческое, но и как метафизическое явление. А. Варламов в «Мысленном волке» выражает определенное понимание революции, в чем-то корреспондирующее с блоковским или пильняковским, в чем-то кардинально расходящееся с ними (подробный анализ последует далее). Е. Водолазкин в романе «Авиатор» стремился выразить не свое собственное понимание революции, ее причин и предпосылок, но лишь возможное видение ее одним из современников тех далеких событий. Это «другая история» — такая, какой она предстает в восприятии частного человека. Водолазкин поясняет в одном из интервью: «Штука вся в том, что мой герой восстанавливает историю, но не ту, которая входит в учебники, состоящую из могучих событий — переворотов, войн и так далее. Речь идет о другой истории, которая сопровождает «большую» историю, но исчезает безвозвратно, и никто о ней больше не вспоминает» [2]. Водолазкин и называет «Авиатор» романом об «истории чувств, фраз, запахов, звуков, которые по большому счету не менее важны, чем великие события. В каком-то смысле они определяют те события, которые входят в учебники, но при этом сами незаслуженно исчезают» [2]. «Авиатор» охарактеризован автором как роман о «персональном сознании», которое «формируется персональной историей» [3].

Иннокентий Платонов, главный герой романа Водолазкина, — человек предельно далекий от политики. В октябре 1917 г. он не принимал непосредственного участия в перевороте (тот день, когда произошла революция, Платонову «даже не запомнился» [4. С. 141]). Но, несмотря на то, что Платонов лишь сторонний наблюдатель, у него, как и у любого современника переломных событий, складывается определенное отношение к происходящему, он размышляет о революции и по просьбе доктора Гейгера делится своими соображениями.

Платонов характеризует сущность революции вполне однозначно. Он рассуждает о революционных переменах прежде всего с нравственных позиций — в отличие от своего великого современника А. Блока, который полагал, что моральный критерий непреложим к революции, что ее невозможно оценивать в рамках нравственной системы координат, что она «сродни природе», «как грозовой вихрь, как снежный буран», «она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных» [5. С. 11]. Герой Водолазкина считает возможным и даже необходимым оценивать революцию именно с нравственных позиций, как явление прежде всего этического порядка. С его точки зрения, революционные события имеют исключительно негативную нравственную природу, высвобождая низменные страсти и самые гнусные инстинкты: «То, что в человеке прежде подавлялось законами, выходит наружу» [4. С. 53].

Герой Водолазкина размышляет о том, почему произошла революция, и дает однозначный ответ: потому что в людях веками копилось зло. «В людях накопилось много зла... Должен же был найтись этому выход» [4. С. 83]. Собеседник главного героя, доктор Гейгер, удивляется такому объяснению: «Вы не связываете, значит, переворот с общественной ситуацией, с историческими предпосылками...?», на что герой возражает: «А разве всеобщее помутнение — историческая предпосылка?» [4. С. 83]. «Все очень просто, — говорит герой Водолазкина. — В каждом человеке есть дерьмо. Когда твое дерьмо входит в резонанс с дерьмом других, начинаются революции, войны, фашизм, коммунизм... И этот резонанс не связан с уровнем жизни или формой правления. То есть связан, может быть, но как-то не напрямую» [4. С. 93]. Неправомерно было бы ставить знак равенства между позицией героя и позицией автора произведения, но можно предположить, что в чем-то сам Водолазкин солидарен с Иннокентием Платоновым. В одном из интервью Водолазкина спросили о его отношении к революции, и он ответил так: «Я полагаю, что нельзя устраивать путч, будь то февральский переворот или октябрьский. Это просто противозаконно... Нельзя совершить переворот, а потом сделать вид, что все в полном порядке» [6]. В интервью Водолазкин говорит и о том, что сейчас порой оправдывают революцию и ее деятелей: «...“время было такое”, что “приходилось” быть жестким. Время — это не оправдание, особенно для массовых убийств» [6]. Все эти высказывания Водолазкина позволяют предположить, что представление героя романа о революции как разгуле зла, всеобщем помутнении до какой-то степени разделяются и самим автором. Не случайно Водолазкин подчеркивает: «Всякое дело я оцениваю не с партийной, не с идеологической позиции, а только с точки зрения моих представлений о добре и зле» [6].

В романе «Авиатор» намеренно и даже несколько картинно противопоставлены фрагменты дореволюционной жизни и послереволюционные эпизоды. Дореволюционные воспоминания героя пронизаны светом, ощущением радости жизни, чувством праздника. Это, например, дача профессора Гиацинтова, где отдыхал Иннокентий Платонов, тогда еще мальчик, вместе со своими родителями; дом семьи Платоновых в Сиверской, под Петербургом — с запахом цветов, вечерними чаепитиями, пронзительными закатами. Вся дореволюционная жизнь в воспоминаниях Иннокентия окрашена в благостные, благодатные краски. Ярчайший контраст — фрагменты послереволюционной действительности. Это во многих случаях намеренно отталкивающие, антиэстетические описания. Они удручающе неприглядны, здесь подчеркиваются мотивы нравственной и физической нечистоты. Послереволюционный быт — это грязь, шелуха семечек на улицах, ругань пьяных матросов. Доносительство и убийство теперь становятся делом привычным и никого не удивляющим. Революция, по мнению главного героя романа, открыла в людях самые низменные свойства, будучи сама их порождением, проявлением зла, прорывом негативной энергии. В восприятии Иннокентия Платонова, таким образом, первостепенно значимой оказывается этическая сущность революции, а социальное, политическое и экономическое ее измерения становятся вторичными.

В романе «Мысленный волк» А. Варламова речь также идет о предпосылках и природе революции. В представлении главного героя романа Василия Комиссарова революция сама по себе не является благой или злой силой. Революция, как утверждает Комиссаров, «есть явление духа. Ее невозможно измерить деньгами, взять в концессию, заложить в банк, продать, обменять, в ней нельзя ничего ни рассчитать, ни предугадать. С ней нельзя торговаться — ей можно только принадлежать, ее любить, слиться с ней» [7. С. 183—184]. Очевидны параллели с блоковским пониманием революции как стихии, к которой неприложима нравственная система координат. Подобные представления в каком-то смысле противостоят идее, высказанной героем «Авиатора», — о том, что революция — это явление, несущее прежде всего моральный смысл, и при этом глубоко негативный.

Каковы были предпосылки революции, с точки зрения Варламова? Если в «Авиаторе» главный герой утверждает, что предпосылка революции — накопившееся в людях зло, то в «Мысленном волке» высказывается иное объяснение. Революция в России — это результат длительного процесса накопления энергии: «В России веками копилось горючее вещество, и сегодня процесс этого накопления закончился, потому что подошел к пределу и достиг критической массы» [7. С. 184]. Эта энергия, как размышляет герой романа накануне революции, вот-вот выплеснется, произойдет «чудовищной силы взрыв», который приведет либо к грандиозному преображению, либо к катастрофе, к страшным и пагубным последствиям. Все зависит от того, как распорядиться высвободившейся энергией, — направить ее во благо или во зло. По Варламову, исторические судьбы нашей страны сложились так, что энергетический потенциал революции оказался направлен во зло. Революция привела к катастрофе, к трагедии, поскольку ее энергией воспользовались люди, настроенные антипатриотично, те, кто действовал

не в интересах страны. Не революция сама по себе была злом, утверждает Варламов, но те, кто стал ею управлять, распорядились ее потенциалом в корыстных целях.

И в «Мысленном волке», и в «Авиаторе» изображены те, кто идет в революцию, кто стремится служить революционному делу. Но и Варламов, и Водолазкин ставят своей целью показать не вершителей судеб страны, не политиков и исторических деятелей, а сугубо частных людей. Водолазкин в своем романе выводит образ коммуниста: это кузен главного героя, Сева, человек крайне боязливый и слабый. После революции он стал сотрудником ЧК, служил на Соловках. Однажды в новой партии заключенных, прибывших на остров, оказался его двоюродный брат, Иннокентий Платонов. Оба узнали друг друга. Иннокентий решил, что ему повезло, и Сева по возможности облегчит его лагерную жизнь. Но Сева принял совсем другое решение: он сразу же ужесточил условия содержания брата в лагере, чтобы ни в коем случае не пала тень подозрения на него самого как на родственника осужденного. Облик Севы наводит читателя на мысль о том, что коммунистическая идеология (как и любая другая, связанная с представлением о «массе» как главной силе) порой оказывается притягательной для неуверенных, лишенных внутреннего стержня натур, поскольку позволяет им объединиться, почувствовать себя не одиночками, а частью целого.

У Варламова читатель встречает деятелей революции совсем иного плана. В «Мысленном волке» представлено несколько типажей революционеров: есть романтики, которые верят в грядущие перемены, считают их исторически необходимыми и неизбежными, — именно таким, например, был Комиссаров (до того, как революционные перемены осуществились). Накануне революции он всячески поддерживает большевиков, веря в грядущее грандиозное обновление бытия, он «жертвует деньги настоящим революционерам — коренное преобразование вещества, по логике еще платоновских персонажей, должно касаться всех сфер жизни: и природно-биологической, и социальной» [8. С. 47—48].

Представлен и совсем иной тип революционера — хищный, тот, кто использует революционные настроения масс в корыстных целях, стремясь взять власть в свои руки и обогатиться. Такого большевика Варламов вывел в образе Дяди Тома — сильной и в полной мере беспринципной личности. Он глубоко отличен от того типажа революционного деятеля, который изображен Водолазкинским, — слабого, нуждающегося в поддержке, тяготеющего к стадности и потому воодушевленного коммунистической идеей.

Наконец, принципиально различным оказывается у Варламова и Водолазкина отношение к историческому событию как таковому — будь то революция, война или какое бы то ни было иное историческое потрясение. Варламов оказывается ближе к традиционному, классическому восприятию исторических происшествий: они определяют жизнь страны в целом и каждого человека в частности. Судьбы персонажей Варламова тесно связаны с ходом истории. Первая мировая война, революция накладывают сильнейший отпечаток на жизненные траектории героев романа. Человек оказывается вовлечен в историю, она вторгается в частную жизнь и меняет ее, искажает или перенаправляет в иное русло. Так, перипе-

тии судьбы Комиссарова — это в значительной степени отпечаток исторических потрясений начала века. Как отмечает В.А. Мескин, в романе «динамичные линии судеб даны в тесном переплетении с линией судьбы государства» [9. С. 55].

Варламов показывает, что именно «большие» события, исторические перемены оказываются первостепенно значимыми, в том числе и для частной жизни людей. Так, в романе описываются первые дни войны 1914—1918 гг.: люди воодушевлены идеей справедливого отпора врагу, все частное, личное уходит, человеком руководят мысли о стране, о родине. «Война обнаружила подлинный масштаб вещей, личное скукожилось, съезжилось и попряталось по тайникам души и тела, а все общественное стало большим и важным. Слова «Отечество», «Россия», «Царь-град»... вдруг зазвучали во всю мощь... стыдным стало думать о чем-то другом, как не о победе в святой войне, и все прежние невзгоды и личные разочарования оказались ничтожными» [7. С. 250—251]. Варламов описывает, как на судьбе Ульяны отразилось начало войны: «...Никогда она не жила такой полной жизнью, никогда не ощущала такую причастность к общему делу, никогда не переживала за далеких, неведомых ей русских людей, никогда так не предвкушала будущего и того ликования, с каким будут встречать победителей на улицах Петрограда» [7. С. 254]. С настроением Ульяны вполне резонируют рассуждения ее отца, Василия Христофоровича Комиссарова: «Сегодня есть только один талант — верность государю» [7. С. 317].

Герой романа Водолазкина воспринимает историю совершенно иначе. Иннокентий Платонов признается, что мыслит «неисторически». События «большой» истории в его понимании — это всего лишь «фон» для раскрытия внутреннего потенциала личности. На первом плане для него оказывается не история страны, не общественные потрясения, а судьба отдельного человека. Водолазкин и сам признавался в одном из интервью, что «...главное для меня — не социальное, а персональное измерение», «история — это площадка, на которой мы реализуем себя» [6]. «Для одних событие — Ватерлоо, — размышляет герой Водолазкина, — а для других — вечерняя беседа на кухне. В конце, предположим, апреля тихая такая беседа — под абажуром с тусклой мигающей лампочкой» [4. С. 380]. «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо — это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа — это событие личной истории, для которой мировая — всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа — никогда» [4. С. 381].

По мысли Водолазкина, даже глобальные исторические происшествя современники зачастую воспринимают лишь в сугубо субъективном ракурсе, в личностных впечатлениях и ощущениях и только потом, спустя годы, человек осознает политический, социальный масштаб произошедшего. Когда главного героя «Авиатора» приглашают на телепередачу и задают ему вопрос о том, каким ему запомнился день Октябрьского переворота, Платонов отвечает: «Знаете, он мне даже не запомнился. Уже потом, поняв, что это за день такой, я его в памяти восстановил. Шел, если я ничего не путаю, дождь со снегом. Точнее, сначала был дождь, который перешел в мокрый снег. Я вышел куда-то, забыв дома шарф, и

снежинки таяли у меня на шее, я чувствовал их таяние горячей кожей. Ветер был, ранняя темень...» [4. С. 141].

Таким образом, Варламов и Водолазкин принципиально различным образом осмысливают категорию исторического события как такового, кардинально несходными оказываются их представления о взаимодействии личности и истории. В восприятии революционных перемен героями «Мысленного волка» и «Авиатора» также ставятся различные акценты. Вместе с тем и Варламов, и Водолазкин, на наш взгляд, мыслят в русле неомодернизма [10], поскольку стремятся увидеть за конкретно-историческим планом план универсальный и, анализируя революционные события 1917 г., ставят своей целью осмысление неких ключевых закономерностей национальной истории (Варламов), а также принципов взаимоотношения личности и истории вообще (Водолазкин). По Варламову, ход развития национальной истории оказался во многом связан с постепенным «накоплением энергии» и ее последующим «высвобождением»; по Водолазкину, «большая» история формируется как совокупность частных судеб, ничуть не менее значимых, чем крупные, масштабные события, затрагивающие жизнь целых народов.

Неомодернистский вектор реализуется в анализируемых произведениях и в значимости этической проблематики. У обоих авторов при размышлениях об истории на первом плане оказывается нравственная грань, столь важная для неомодернистского художественного сознания. Варламов, намеренно исключая революционный акт как таковой из нравственной системы координат, размышляет о последствиях революции именно с моральной точки зрения. Для героя Водолазкина рассуждения о революции немислимы вне этических оценок, поскольку он воспринимает и интерпретирует революцию прежде всего как проявление зла. Стремление осмыслить историю в этическом ракурсе — характерная особенность неомодернистского художественного мышления, в полной мере воплощаемая в романах «Мысленный волк» и «Авиатор».

© Кротова Д.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 491 с.
- [2] Интервью с «русским Умберто Эко» Евгением Водолазкиным. URL: <http://100000-knig.ru/news/intervyu-s-russkim-umberto-eko-evgeniem-vodolazkinym/> (дата обращения: 01.10.2018).
- [3] Водолазкин Е. «Авиатор» — очень петербургский роман. URL: <http://turpiter.ru/evgenii-vodolazkin-aviator-ochen-peterburgskii-roman/> (дата обращения: 01.10.2018).
- [4] Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ, 2017. 410 с.
- [5] Блок А. Интеллигенция и революция // Блок А. О назначении поэта. М.: Сов. Россия, 1971. С. 6—23.
- [6] Писатель Евгений Водолазкин об уроках 1917 г. и о переезде утопии из России на Запад. URL: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Oni_nachinajut_rastit_v_se (дата обращения: 01.10.2018).
- [7] Варламов А. Мысленный волк. М.: АСТ, 2015. 508 с.

- [8] *Солдаткина Я.В.* Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье») // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2016. № 1. С. 45—54.
- [9] *Мескин В.А.* «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. № 1. С. 55—65.
- [10] *Кротова Д.В.* Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 октября 2018

Дата принятия к печати: 12 октября 2018

Для цитирования:

Кротова Д.В. Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина («Мысленный волк» и «Авиатор») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2018. Т. 23. № 4. С. 393—401. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

Сведения об авторе:

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: da-kro@yandex.ru

Reflections about revolution in A. Varlamov and E. Vodolazkin's creativity ("Mental wolf" and "Aviator")

D.V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the comparative analysis of the ideas of revolution expressed in novels "Mental Wolf" by A. Varlamov (2014) and "Aviator" by E. Vodolazkin (2017). Essentially various is an approach of two writers to interpretation of revolution: Varlamov expresses his own understanding in "Mental Wolf", Vodolazkin in "Aviator" aims to express only possible vision of revolution by one of contemporaries of those far events. At the same time, both the similarity and cardinal divergences in interpretation of a subject of revolution in the called novels are detected. The community is that both authors' perception of revolution is tragic: it is interpreted as a change which has caused deeply destructive consequences. In assessment of the essence of revolution for the hero of "Aviator" defining there is a moral vector while in "Mental Wolf", on the contrary, idea of revolution is closely linked to the non-moral, spontaneous aspect. In the analysis of the novel "Mental Wolf" both parallels and basic divergences with the concepts of revolution created in literature of the first decades of the 20th century are revealed (A. Blok, B. Pilnyak, etc.). In article it is proved, that both A. Varlamov and E. Vodolazkin,

reflecting on events of 1917, set as the purpose the judgment of certain key regularities of national history (“Mental Wolf”) and also the principles of relationship between the personality and history in general (“Aviator”). Analyzing a problem and thematic complex and art specifics of the called novels, the author of article proves a statement about a neomodernist vector of thinking of both writers.

Keywords: modern literature, Russian literature, revolution, A. Varlamov, E. Vodolazkin, “Mental wolf”, “Aviator”

References

- [1] Kovalenko A.G. Ocherki hudozhestvennoj konfliktologii: antinomizm i binarnyj arhetip v russkoj literature XX veka [Sketches of art conflictology: antinomy and binary archetype in Russian literature of the 20th century]. Moscow: RUDN, 2010. 491 p.
- [2] Interv’ju s “russkim Umberto Eco” Evgeniem Vodolazkinym [Interview with “Russian Umberto Eco” Evgeniy Vodolazkin]. Available at: <http://100000-knig.ru/news/intervyu-s-russkim-umberto-eko-evgeniem-vodolazkinym/> (accessed: 01.10.2018).
- [3] Vodolazkin E. «Aviator» — ochen’ peterburgskiy roman [“Aviator” — very Saint Petersburg novel]. Available at: <http://turpiter.ru/evgenii-vodolazkin-aviator-ochen-peterburgskii-roman/> (accessed: 01.10.2018).
- [4] Vodolazkin E. Aviator. Moscow: AST, 2017. 410 p.
- [5] Blok A. Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In: Blok A. O naznachanii poeta [About the mission of a poet]. Moscow: Sov. Rossiya, 1971. Pp. 6–23.
- [6] Pisatel’ Evgeniy Vodolazkin ob urokah 1917 goda i o perezde utopii iz Rossii na Zapad [The writer Evgeniy Vodolazkin about the lessons of 1917 and about the move of utopia from Russia to West]. Available at: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Oni_nachinajut_rastit_v_se (accessed: 01.10.2018).
- [7] Varlamov A. Myslennyi volk [Mental wolf]. Moscow: AST, 2015. 508 p.
- [8] Soldatkina Ya.V. Tvorcheskoe nasledie A.P. Platonova i semantiko-esteticheskie poiski v sovremennoy russkoj proze (A.N. Varlamov “Myslennyi volk”, A.V. Ivanov “Nenast’je”) [The artistic heritage of A.P. Platonov and semantic and aesthetic searches in contemporary Russian prose (A.N. Varlamov “Mental Wolf”, A.V. Ivanov “Foul weather”). Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2016. No. 1. Pp. 45–54.
- [9] Meskin V.A. “Myslennyi volk” Alekseya Varlamova kak opyt simvolistskogo romana [Aleksey Varlamov’s “Mental Wolf” as an experience of symbolist novel]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2017. No. 1. Pp. 55–65.
- [10] Krotova D.V. Sovremennaya russkaya literature. Postmodernizm i neomodernizm [Modern Russian literature. Postmodernism and neomodernism]. Moscow: MAKS Press, 2018. 224 p.

For citation:

Krotova D.V. (2018). Reflections about revolution in A. Varlamov and E. Vodolazkin’s creativity (“Mental wolf” and “Aviator”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 393–401. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

Article history:

Received: 2 October 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 12 October 2018

Bio Note:

Krotova Darya Viktorovna, PhD, Moscow Lomonosov State University, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process. *Contacts:* e-mail: da-kro@yandex.ru